

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЗАЩИТЕ ОБЪЕКТОВ ВОЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР (1930–е гг.)

Юрий Михайлович ЗАЙЦЕВ,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры такти-
ки ВМФ и военной истории
ТОВМИ им. С. О. Макарова

С окончанием Гражданской войны 1918—1922 г. и присоединением Дальневосточной республики к РСФСР значительная часть оппозиции обосновалась на сопредельной территории Китая в Маньчжурии и начала вести активную контрреволюционную и террористическую деятельность по свержению советской власти. Особенно широкие масштабы она приняла после оккупации Японией Маньчжурии и принятия советским правительством ответных мер по развертыванию на Дальнем Востоке крупной группировки вооруженных сил и созданию Тихоокеанского флота. Разведка велась специальными органами штаба Квантунской армии, военными миссиями, учрежденными японцами в Маньчжурии, полицейскими учреждениями приграничных районов, японскими советниками при маньчжурских местных органах власти, корейским японофильским обществом «Минхве», а также различными организациями русских белоэмигрантов, расположенными в Маньчжурии¹. К разведывательной деятельности привлекалось местное население из числа корейцев и китайцев, особенно имевших родственников на территории Китая и Кореи. Сбором информации о военных объектах занимались и контрабандисты.

Японскую разведку интересовала дислокация частей и их принадлежность к родам сил на территории Дальнего Востока, расположение аэродромов и их характеристика, количество и типы самолетов, базирующихся на них, ход оборонительного и социально-бытового строительства, степень готовности элементов транспортных коммуникаций (железных, шоссейных и грунтовых дорог), их пропускная способность². Особый интерес для японцев представляла система базирования Тихоокеанского флота и Амурской Краснознаменной флотилии, количество, типы кораблей и их вооружение. Забрасываемым нелегально на территорию СССР шпионам и постоянно проживавшим на Дальнем Востоке агентам были даны задания на сбор сведений о командирах-корейцах,

проходивших службу в ОКДВА, и корейцах, занимавших ответственные должности в крупных городах. Интересовали японцев и газеты, издававшиеся в воинских частях, образцы общегосударственных и воинских документов и т.п.

В 1935—1936 гг. за шпионаж в пользу Японии Военным трибуналом ОКДВА было осуждено более 150 чел. (см. табл. 1). Следствие установило, что в предыдущие годы к шпионской деятельности привлекались в основном белоэмигранты, а со второй половины 1935 г. началось активное вовлечение в агентурную деятельность корейского населения.

Таблица 1

Число осужденных Военным трибуналом ОКДВА за шпионаж в 1935—1936 гг.

	Всего осуждено	Из них		
		Русских	Корейцев	Китайцев
1935 г.	73	35 чел. (49,3%)	27 чел. (37,0%)	10 чел. (13,7%)
1936 г.	78	11 чел. (14,1%)	45 чел. (57,7%)	22 чел. (28,2%)

Примечание. Таблица составлена по данным ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 1553, л. 100.

Статистика показала, что если в 1935 г. из числа осужденных за шпионаж русских на территории СССР постоянно проживало 18 чел., т.е. более 50%, то в 1936 г. из 11 осужденных всего двое имели прописку и проживали на Дальнем Востоке, а остальные были завербованы в Маньчжурии и находились на советской территории нелегально. Трое из заброшенных в 1936 г. на территорию Дальнего Востока отбывали наказание за различные преступления в лагерях, бежали за границу и были вновь переброшены для ведения разведывательной деятельности.

Анализ гражданства и социального положения осужденных за шпионаж корейцев показал, что из 45 человек 17 являлись гражданами СССР, двое имели иностранное подданство, но находились на территории легально, а 26 вели шпионскую деятельность, находясь в СССР нелегально. Осужденные корейцы — граждане СССР — представляли разные социальные слои, в том числе трое — служащие государственных учреждений, двое колхозников, трое крестьян-единоличников, шестеро — рабочие различных предприятий и т.д. При этом только один из них прибыл в СССР в 1928 г., а остальные либо родились на территории российского Дальнего Востока, либо проживали здесь до революции. Шестеро советских корейцев имели за границей близких родственников, которые работали в различных японо-маньчжурских учреждениях или же были известными контрабандистами. Через них японцы и устанавливали связь с постоянно проживавшими в Советском Союзе корейцами.

Из 26 нелегально действовавших на Дальнем Востоке корейцев-иностранцев 9 чел. имели здесь близких родственников, а остальные 17 — знакомых, проживавших в дальневосточном регионе. Это обстоятельство позволяло прибывшим из-за границы шпионам легко находить приют на советской территории и, безусловно, облегчало разведывательную деятельность. Признавая, что большая часть корейского населения ДВК абсолютно предана советской власти и готова задержать и передать властям шпионов, диверсантов или контрреволюционеров, органы НКВД констатировали лояльность советских корейцев к контрабандистам и их

готовность предоставить приют на несколько дней пришедшему из-за рубежа с контрабандным товаром³. Этим пользовалась японская разведка, перебрасывая через границу корейца-шпиона обязательно с товаром, зная, что он всегда найдет приют в местах компактного проживания советских корейцев и относительно свободно сможет передвигаться из одного пункта в другой. Об этом свидетельствует и статистика — из 45 корейцев, осужденных за шпионаж, 17 были осуждены по совокупности и за контрабанду. Причем на разведывательную деятельность они были завербованы уже тогда, когда продолжительное время занимались контрабандным промыслом, попеременно проживая то на советской территории, то в Маньчжурии. В ряде случаев корейцев осуждали только за контрабанду, так как их непосредственная шпионская деятельность следствием не была доказана. В то же время 16 корейских граждан СССР были осуждены за предоставление убежища своим родственникам или знакомым контрабандистам. Из 22 осужденных за шпионаж китайцев только четверо проживали постоянно на территории ДВК, а остальные прибыли из-за границы нелегально. Среди осужденных китайцев граждан СССР не было.

Эти данные, приведенные в информационной сводке Военного трибунала ОКДВА, разумеется, не были полными и не отражали всей картины разведывательной деятельности японцев в ДВК, так как уголовные дела, находившиеся в делопроизводстве Приморской области, рассматривались Военным трибуналом Тихоокеанского флота и их результаты не вошли в доклад секретарю Далькрайкома ВКП(б). Кроме того, даже в тех случаях, когда вина осужденных была доказана, они не стремились полностью раскрывать характер своей деятельности.

Для военной контрразведки Тихоокеанского флота «головной болью» во Владивостоке стал район «Миллионки». Компактное проживание китайцев, не имевших советского гражданства, большая скученность и их постоянная миграция не давали возможности отслеживать прибывающих из-за границы агентов японской разведки и вести с ними борьбу. Питательной средой для шпионажа стали уголовные элементы, скрывавшиеся на «Миллионке», сеть опиекурилен и игорных заведений. Рейды органов НКВД по притонам «Миллионки» давали лишь временные результаты. Совет Народных Комиссаров РСФСР постановлением от 21 августа 1935 г. за № 903 принял решение о реквизиции ряда домовладений на «Миллионке», принадлежащих китайским гражданам Ван-И-лину и Чжан-Чин-чжоу⁴. Несмотря на то, что это постановление принял Народный комиссариат иностранных дел СССР, по инициативе же НКВД претворение его в жизнь задержали до особого распоряжения. Свою осторожную позицию по этому вопросу заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков⁵ изложил в письме секретарю Дальневосточного крайкома ВКП(б) Лаврентьеву и председателю Дальневосточного краевого исполнительного комитета Крутову в январе 1936 г. Стомоняков объяснил, что вопрос о времени и порядке проведения в жизнь этого постановления подлежит дополнительному согласованию с НКВД, чтобы это решение провести с максимальным учетом обстановки на Дальнем Востоке.

В условиях нового обострения обстановки в Китае, вызванного продолжавшейся японской агрессией и значительным ростом советофильских настроений среди китайской общественности, эта акция, сопряжен-

ная с выселением нескольких тысяч человек, могла быть использована враждебными СССР кругами в Китае для попыток поднять кампанию по поводу якобы имевшего места преследования китайцев в СССР. В тот период руководство НКВД считало несвоевременным начинать эту акцию, чтобы не давать пищи для подобных антисоветских кампаний в Китае⁶. Вместе с тем Б.С. Стомоняков поинтересовался у руководителей края, насколько опасения НКВД преувеличены и есть ли возможность провести реквизицию «без особого шума и серьезных откликов за границей». Он просил партийно-политическое руководство Дальневосточного края подробно изложить свои соображения по этому вопросу.

Очевидно, ситуация на «Миллионке» признавалась настолько нетерпимой, что уже в мае 1936 г. было принято кардинальное решение раз и навсегда покончить с рассадником уголовщины и шпионажа во Владивостоке. Органы НКВД совместно с милицией выселили из двух домов по улицам Батарейной и Пекинской все китайское население. Как и предполагал Стомоняков, эта акция не прошла незамеченной для китайского министерства иностранных дел, направившего НКВД СССР две ноты, в которых выражался протест на действия властей Владивостока.

Ликвидация «Миллионки» стала предметом обсуждения в Политбюро ЦК ВКП(б), результат которого нашел отражение в протоколе его заседания от 27 июня 1936 г. «О ликвидации «Миллионки» во Владивостоке»⁷. Политбюро утвердило текст ответа НКВД посольству Китая в Москве, который заслуживает того, чтобы привести его полностью⁸.

*«Проект ноты НКВД
Китайскому Посольству в Москве.*

В связи с нотами Китайского посольства за № 643/36 от 26 мая и за № 670/36 от 4 июня НКВД имеет честь сообщить, что согласно сообщению властей г. Владивостока, в мае месяце т.г. действительно имело место выселение жильцов из домовладений по Батарейной улице под № 2 и Пекинской улице под № 5.

Согласно этому сообщению указанные выше домовладения в течение многих лет находятся в чрезвычайно неблагоприятном состоянии в противопожарном отношении и содержатся в антисанитарном состоянии, причем неблагоприятное состояние домовладений все время ухудшалось. Кроме того, ряд жильцов указанных домовладений содержал притоны опекуренния, игорные заведения и проч., а также допускал проживание в занимаемых ими помещениях не прописанных и не имеющих никаких видов на жительство преступных лиц, в частности лиц, занимавшихся шпионажем в пользу третьего государства.

В течение многих лет власти неоднократно предупреждали управляющих домовладениями о необходимости ликвидировать антисанитарное состояние домовладений, обеспечить их в противопожарном отношении и прекратить незаконное проживание в них различных преступных элементов, эти предупреждения, однако, не дали никаких положительных результатов. Вследствие этого, 6 мая т.г. местные власти произвели обследование упомянутых домовладений, составили акт об их состоянии и предложили управляющим домовладениями все отмеченные в акте недочеты устранить к 15 июня 1936 г.

Ни управляющие домовладениями, ни жильцы не предприняли, однако, никаких мер к тому, чтобы к назначенному сроку привести домовладения в надлежащий вид. Кроме того, в домовладениях вновь был обнаружен ряд уголовных преступников, незаконно проживающих и скрывающихся в притонах, которые, как оказалось, продолжали существовать в этих домовладениях.

Ввиду такого положения власти были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам и очистить дом № 2 по Батарейной улице, произведя переселение законно проживающих в нем жильцов в другие помещения, — освобожденное же помещение было опечатано.

Что же касается дома № 5 по Пекинской улице, то согласно полученной Комиссариатом информации из Владивостока, управляющий этим домовладением еще в мае, после обследования дома специальной комиссией Владивостокского Городского Совета, предложил всем жильцам освободить помещение в связи с предстоящим ремонтом дома.

Вследствие отказа жильцов дома выселиться, управляющий обратился в управление милиции с письменной просьбой оказать ему содействие в выселении жильцов из подлежащего ремонту дома.

Поскольку дальнейшее проживание жильцов в доме № 5 по Пекинской улице вследствие его состояния, было признано невозможным, Управление милиции произвело переселение как советских, так и китайских граждан — жильцов этого дома — в другие помещения.

Немедленно по получении этих сообщений властям г. Владивостока было предложено по телеграфу приложить все возможные усилия к тому, чтобы при проведении действительно необходимых мероприятий по обеспечению противопожарного и соответствующего элементарным санитарным требованиям состояния поименованных домовладений было нанесено возможно меньше ущерба китайским гражданам, и в частности, были обеспечены другой жилплощадью все граждане Китайской Республики, которые законно проживали в домовладениях № 2 по Батарейной улице и № 5 по Пекинской улице к моменту их эвакуации.

Наркомат выражает уверенность, что благодаря принятым мерам, будут устранены все основания для недовольства Китайского Посольства».

Вторым пунктом постановления Политбюро председателю ОГПУ по Дальневосточному краю Т.Д. Дерibasу было предложено дальнейшую ликвидацию «Миллионки» производить с большей осторожностью, не давая оснований к обвинениям, что это мероприятие носит «исключительный характер против китайцев». Рекомендовалось сроки и порядок выселения согласовать с НКВД с тем, чтобы эту операцию закончить уже в течение 1936 г.⁹

Владивостокскому горсовету предстояло обеспечить жилплощадью всех китайских граждан, которые были или будут выселены из домов «Миллионки» и которые проживали там на законных основаниях и не совершали никаких преступлений. Очевидно, последняя рекомендация носила чисто риторический характер, поскольку Владивосток испытывал острую потребность в жилом фонде и городские власти даже не могли расселить постоянно прибывающих военных, строителей и т.д.

Акция по ликвидации «Миллионки» во Владивостоке стала лишь первым звеном в цепи мероприятий, направленных на обеспечение предот-

вращения деятельности японской разведки на территории Дальневосточного края. Год спустя в целях полной ликвидации почвы для шпионажа со стороны корейского населения было принято решение о выселении всех лиц китайской и корейской национальности из приграничных районов. Его приняли на фоне репрессий во всех регионах страны и на всех уровнях в гражданских и военных структурах, поэтому обыватели это воспринимали как действительно необходимую меру. Далькрайкому предложили внести в ЦК ВКП(б) предложения по вопросу переселения, а в июне 1937 г. своим постановлением Политбюро утвердило решение Далькрайкома о выселении из пограничной полосы 11 600 корейских хозяйств, или 61 тыс. чел.¹⁰

В течение месяца выселению подлежали все корейцы, проживавшие в районах, непосредственно примыкавших к государственной границе, — Посьетском, Суйфунском, Молотовском (ныне Октябрьском), Гродековском, Ханкайском, Хорольском, Черниговском и Спасском. Корейских коммунистов и комсомольцев, интеллигенцию (учителя, агрономы, врачи) переселяли на общих основаниях вместе со всем корейским населением в Казахскую и Узбекскую ССР. Отдельным постановлением «О корейцах» утверждались предложения Далькрайкома и Крайисполкома о порядке оплаты имущества переселяемых в Казахстан и Узбекистан. Заготскот обязывался принять весь скот у переселяемых в Дальневосточном крае и возместить его в натуре на местах нового жительства. Для производства расчетов с корейцами Политбюро ЦК ВКП(б) распорядилось перевести из резервного фонда СНК СССР Далькрайкому авансом 12 млн. руб. Окончательные расчеты по количеству необходимых средств на переселение корейцев НКВД СССР обязывался представить в трехдневный срок¹¹.

Заведующих областными отделами народного образования обязывали лично проверить подготовку к отправке оборудования школ и просветительских учреждений в пункты их нового размещения. Книги, наглядные пособия на корейском языке и оборудование кабинетов подлежали отправке вместе с переселенцами. Контроль и ответственность за своевременное исполнение этой директивы возлагались лично на секретарей обкомов ВКП(б) Приморской, Уссурийской, Хабаровской, Амурской областей и Еврейской автономной области¹². Политбюро посчитало нецелесообразным сохранение корейского пединститута во Владивостоке и распорядилось переместить его в Казахстан.

В июле 1937 г. ЦИК СССР принял постановление «О въезде и проживании в пограничной полосе». В соответствии с постановлением ужесточались порядок въезда и регистрация граждан, проживавших в пограничных зонах. В развитие этого документа ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О запретной пограничной зоне и пограничном режиме»¹³, которое касалось исключительно Дальнего Востока и Забайкалья. В целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Маньчжурией и Монгольской Народной Республикой, а также для установления строгого режима на территории СССР, прилегающей к указанной границе, на территориях Дальневосточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР устанавливалась запретная пограничная зона, в которую включались железная дорога от

г. Иркутска до ст. Хабаровск, все районы к югу от этого участка дороги, территория к востоку от рек Уссури и Амура, вся территория Камчатской, Нижне-Амурской и Сахалинской областей Дальневосточного края. На указанную запретную пограничную зону было распространено постановление ЦИК от 17 июля 1937 г. НКВД СССР поручалось представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР план выселения из пограничной зоны «анти-советского и неблагонадежного элемента», местные органы власти должны были в трехнедельный срок издать свои постановления, регламентирующие передвижение в запретной пограничной полосе, закрытие дорог в пределах 500 м пограничной полосы, порядок производства охоты, рыбной ловли, выпаса и перегона скота.

Всех иностранцев, не имевших паспортов, надлежало выселить из этих регионов, а подозреваемых в шпионской, диверсионной и другой антисоветской деятельности — арестовать и их дела рассмотреть во внесудебном порядке на «тройках», независимо от заявленного репрессированными гражданства. Въезд иностранцев в запретную пограничную полосу ДВК, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР был запрещен. Исключение составляли иностранные подданные, проезжавшие через эти территории транзитом, иностранцы, приглашенные советскими и государственными организациями, а также иностранные подданные, состоявшие на постоянной или временной службе на иностранных концессиях. Положение о въезде, проживании и проезде этих категорий иностранцев НКВД СССР в трехнедельный срок должен был внести для утверждения в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Наркомат путей сообщения по согласованию с НКВД СССР устанавливал порядок продажи железнодорожных билетов на все станции, расположенные к востоку от ст. Иркутск. Продажа пассажирам билетов в эти пункты разрешалась только по предъявлении установленных документов на право въезда в запретную пограничную зону.

Для обеспечения мероприятий по выполнению постановления и охране общественного порядка в районах, отнесенных к запретным, численность рабоче-крестьянской милиции увеличили на 2700 чел., в том числе по ДВК — на 1800 чел. НКВД СССР обязывался укомплектовать органы милиции в пограничной зоне лучшими кадрами рядового, командного и начальствующего состава за счет назначения из других областей, краев и республик. В дальнейшем командование ОКДВА и пограничной охраны на Дальнем Востоке считало необходимым вести вербовочную работу среди увольняемых в запас и в долгосрочные отпуска рядовых и младших командиров для укомплектования милиции. С 1 января 1938 г. для всего личного состава милиции ДВК, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР увеличивались оклады.

Наркомату внутренних дел поручалось в трехмесячный срок развернуть особые отделы Главного управления госбезопасности (ГУГБ НКВД) Забайкальского военного округа, ОКДВА и Тихоокеанского флота до штатов военного времени. На Сахалине и Камчатке планировалось организовать управления НКВД, отделив их от пограничной охраны. Во всех территориальных образованиях увеличивалась штатная численность УГБ НКВД, усиливались дорожно-транспортные отделы Дальневосточной, Амурской, Молотовской и Восточно-Сибирской железных дорог.

Для укомплектования органов УГБ НКВД до полных норм разрешалось призвать из запаса первой очереди 1000 чекистов.

СНК СССР при формировании бюджета на 1938 г. должен был предусмотреть выделение средств с учетом проводимых мероприятий, а Наркомфин — обеспечить их ассигнование уже в 1937 г.

Учитывая, что в дальневосточных лагерях НКВД находилось большое число осужденных по статьям за антигосударственную деятельность, отдельным пунктом постановления определялись меры по их «очистке». До 1 апреля 1938 г. дела 12 тыс. заключенных, осужденных за шпионаж, терроризм, диверсии, измену родине, повстанчество, бандитизм, а также уголовников-профессионалов надлежало рассмотреть на «тройках». Однако их участь была решена заранее — все 12 тыс. человек подлежали репрессии «по первой категории»¹⁴. В дальнейшем НКВД СССР запрещалось направлять в дальневосточные лагеря осужденных по этим статьям. Такое же требование распространялось на японцев, китайцев, корейцев, немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов, в том числе харбинцев, независимо от характера преступления, за которое они были осуждены. Если по отношению к коренным жителям Северо-Восточной Азии и харбинцам позиция ЦК ВКП(б) и НКВД СССР вполне ясна, то почему в этот список попали лица других национальностей, очевидно, требует объяснения. Дело в том, что с разведками Германии, Польши, Финляндии, Эстонии и ряда других стран у Японии были тесные связи еще с русско-японской войны и она вела свою подрывную работу против СССР в контакте со спецслужбами этих государств¹⁵.

Важнейшая проблема, которую оказалось невозможно решить организационными мерами, это защита информации о базировании Тихоокеанского флота во Владивостоке. Главная военно-морская база Тихоокеанского флота соседствовала с Владивостокским коммерческим портом, что лишало флот скрытности действий как решающего фактора в войне. Моряки торгового флота, заходившие в иностранные порты, вольно или невольно могли стать каналом утечки информации о составе и дислокации ТОФ, армейских частей и авиации, расположенных вблизи Владивостока. Кроме того, в самом городе находились пересыльные пункты ГУЛАГа, здесь же обеспечивалась отправка грузов морем на Камчатку, в Магадан, Советскую Гавань и другие пункты тихоокеанского побережья. Неоднократные предложения командования ТОФ о переносе торгового порта из Владивостока в другое место хотя и находили понимание, но решить этот вопрос в течение даже нескольких месяцев было немыслимо. С другой стороны, Владивосток был закрыт для иностранных торговых судов, что при ограниченном составе советского торгового флота на Дальнем Востоке не позволяло в полном объеме обеспечить перевозки импортно-экспортных грузов. Передислоцировать же главную базу из Владивостока в другое место также не могли, так как в городе располагался крупнейший центр судостроения и ремонта кораблей ТОФ — Дальзавод, где сосредоточились значительные запасы оружия и материальных средств, в том числе мобилизационные, предприятия ремонта вооружения и техники. Здесь заканчивалась Транссибирская магистраль. Поэтому единственным местом, куда можно было с меньшими затратами перенести коммерческий порт и связать его с железной дорогой, оставался залив Америка, а точнее бухта

Находка. Более того, по планам строительства оперативных железных дорог для артиллерии ТОФ начали прокладку соответствующей ветки.

В апреле 1939 г. Н.Г. Кузнецов в качестве первого заместителя наркома ВМФ вместе с членом Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым, курировавшим в Политбюро вопросы Наркомата ВМФ, посетили Находку, где предполагалось строить новый торговый порт¹⁶. Кстати, первоначально он получил имя Жданова. Именно этот порт, удаленный от главной базы ТОФ, должен был стать тихоокеанскими воротами Советского Союза для зарубежных судов.

В октябре 1939 г. Совет Народных Комиссаров Союза СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переносе Владивостокского торгового порта в бухту Находка»¹⁷. В целях обеспечения нормальных условий базирования Тихоокеанского флота во Владивостоке и прилегающих к нему бухтах СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали НКВД, Наркомморфлот, Наркомвод и другие гражданские организации освободить и передать Наркомату ВМФ в течение 1939—1942 гг. все занимаемые ими акватории с причальным фронтом и постройками в бухтах Золотой Рог и Диомид. В первую очередь (к 1 февраля 1940 г.) передаче подлежали вся территория полуострова Шкота и причальный фронт от входного створа пролива Босфор Восточный до транзитного причала № 6, причалы и портовые склады Дальстроя с занимаемыми ими территориями. Еще раньше, в 1939 г., ГУЛАГ НКВД предписывалось перевести из Владивостока в Находку транзитные лагеря заключенных, которых планировалось использовать здесь на строительстве.

До 1 февраля 1942 г. Наркомату ВМФ планировалось передать все территории и сооружения Владивостокского торгового порта на северном побережье Золотого Рога и объекты Наркомрыбпрома на южном побережье бухты Золотой Рог от Гнилого Угла до мыса Голдобина, все жилые, служебные и коммунальные здания Дальстроя, расположенные во Владивостоке. К 1 ноября этого же года Наркомрыбпром обязывался передать НК ВМФ промышленные сооружения, предприятия и жилые постройки, расположенные в бухте Диомид. В течение 1939—1942 гг. все гражданские организации должны были перенести свои грузовые и производственные операции в бухту Находка. В свою очередь Наркомат ВМФ обязывался передать в течение 1939—1940 гг. занимаемые им акваторию, территорию, здания и сооружения в бухте Находка Наркомморфлоту, Наркомрыбпрому и НКВД в соответствии со схемой распределения территории между этими организациями.

На п-ве Муравьева-Амурского к югу от линии Гнилой Угол — бухта Горностаи и на п-ве Шкота предписывалось установить крепостной режим¹⁸. Выселению подлежали все граждане, не имевшие отношения к НК ВМФ и НКВД¹⁹. Исполком Владивостокского горсовета своим решением № 25 от 16 марта 1940 г. произвел отчуждение земель Тихоокеанскому флоту под зоны крепостного режима и конкретизировал мероприятия по выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1646/399сс. Кроме указанных в постановлении территорий к зоне крепостного режима была отнесена юго-западная часть Минного городка со всеми прилегающими высотами, включая дорогу, соединяющую этот район города с районами Первой и Второй Речки²⁰.

Таким образом, вне зоны крепостного режима остались только центральная часть города и его предместья. В крепостной зоне надлежало провести инвентаризацию ведомственных и частных строений и полную перепись населения. Решением исполкома Владгорсовета граждане, не имевшие отношения к предприятиям и учреждениям наркоматов ВМФ и НКВД, переселялись в другие места уже в 1940 г. Исключение составляли лица, занятые на работах и предприятиях, которые оставались в зонах крепостного режима до 1942 г. Характерно, что в зоны крепостного режима попали кладбища Эгершельда и «Морское», которые были закрыты для общегородского пользования²¹.

К началу войны развернутый фронт работ в бухте Находка не был закончен, а война вынужденно скорректировала планы. Владивосток и другие порты Дальнего Востока в силу складывавшихся обстоятельств на западе страны приобретали особое значение в перевозке грузов по ленд-лизу из США. 12 сентября 1941 г. Бюро Приморского крайкома ВКП(б) по указанию Государственного Комитета Обороны принимает специальное постановление «О мерах по расширению, упорядочению и капитальному ремонту порта»²². В течение всей Великой Отечественной войны и в период подготовки к войне с Японией Владивосток был главными воротами страны, через которые шел поток оружия и военно-стратегических материалов от союзников. Реализовать в полном объеме постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) с 1939 по 1941 гг. не удалось, а осуществлять перенос торгового порта из Владивостока в ходе войны и при огромной нагрузке на него было просто невозможно.

5 июля 1945 г. Государственный Комитет обороны принял постановление № 9319сс «О развитии военно-морских баз и торговых портов во Владивостоке, бухте Находка и Николаевске-на-Амуре»²³. Базовое и портовое строительство в указанных пунктах было поставлено в ряд особо важных государственных задач. Из постановления следует, что политическое руководство страны не отказалось от реализации планов переноса торгового порта в Находку, так как пункт 16 постановления № 9319сс обязывал наркома Морского флота П.П. Ширшова по мере ввода причального фронта в бухте Находка передавать Наркомвоенморфлоту такое же количество причалов во Владивостокском порту²⁴. Однако с окончанием дальневосточной кампании планы вновь поменялись и перенесение коммерческого порта не состоялось, хотя Владивосток еще долгое время оставался «закрытым» городом.

Таковыми мерами ЦК ВКП(б) и советское правительство намеревались не только обезопасить объекты военной инфраструктуры на Дальнем Востоке и в Забайкалье от разведывательной деятельности Японии, но и полностью ликвидировать почву для шпионажа и терроризма. Сегодня сложно судить о том, насколько эффективным был комплекс проведенных в предвоенные годы контрразведывательных мероприятий. Разумеется, полностью исключить эту деятельность было невозможно, так как на территории Дальнего Востока (на Камчатке и Сахалине) сохранялись иностранные концессии, во Владивостоке располагались дипломатические представительства иностранных государств и т.д. Об этом же свидетельствует и коллективный труд, посвященный деятельности военной контрразведке Тихоокеанского флота²⁵.

- ¹ Информационная сводка Военного трибунала ОКДВА по судебным делам о японском шпионаже // ГАХК. Ф. П-2, оп. 1, д. 1553, л. 107.
- ² Там же. Л. 100—105.
- ³ Там же. Л. 98.
- ⁴ Там же. Ф. П-2, оп. 1, д. 895, л. 117.
- ⁵ Стомоняков Борис Спиридонович (1882—1941) — советский дипломат. В 1921—1924 гг. — торгпред СССР в Германии. С 1926 г. — член Коллегии НКВД СССР; 1934—1938 гг. — второй зам. народного комиссара иностранных дел СССР. См.: Дипломатический словарь. В 3 т. М.: Политиздат, 1964. Т. 3. С. 318.
- ⁶ Там же. Л. 117 об.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17, оп. 162 «Особая папка», д. 19, л. 198.
- ⁸ Сохранены стиль и орфография документа. РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 19, л. 207.
- ⁹ Там же. Л. 198.
- ¹⁰ Там же. Д. 21, л. 167.
- ¹¹ Там же. Л. 168.
- ¹² Там же. Л. 170.
- ¹³ Там же. Д. 22, л. 121—123.
- ¹⁴ Там же. Л. 123.
- ¹⁵ Вялков А., Полутов А. Маньчжурский плацдарм: Деятельность японской военной разведки против СССР на Дальнем Востоке в 1917—1945 гг. // Честь и верность: 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: «Русский остров», 2002. С. 128.
- ¹⁶ Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат МО СССР, 1969. С. 236.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 85—88.
- ¹⁸ Крепостная зона — определенная часть территории (сухопутной, морской, воздушной), на которой в целях обеспечения государственной безопасности и поддержания общественного порядка установлен особый режим въезда (плаванья), проживания или передвижения. Крепостной режим вводился постановлениями органов государственной власти (Советом Труда и Оборона, Советом Народных Комиссаров) по представлению заинтересованных ведомств: См. «Крепостная зона» // Морской энциклопед. справ. В 3 т. Л.: Судостроение, 1986. Т. 1. С. 360; «Запретная зона» // Малая Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ, 1931. Т. 3. С. 245; «Зона запретная» // Большая Советская энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1952. Т. 17. С. 172.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 86.
- ²⁰ РГАВМФ. Ф. Р-1090, оп. 3, д. 140, л. 6.
- ²¹ Там же.
- ²² Владивостокский морской торговый порт. Владивосток: «Усури», 1997. С. 74.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 644 «Постановления Государственного Комитета обороны», оп. 1, д. 434, л. 5—17.
- ²⁴ Там же. Л. 9.
- ²⁵ Честь и верность: 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / сост. А.В. Полутов, под ред. Н.Н. Соцкова. Владивосток: «Русский остров», 2002.

SUMMARY: The article by Captain 1st rank (Rt), candidate of Historical Science Yu. Zaytsev reveals a number of measures taken by Central Committee of the All-Union Communist Party and the Soviet government for prevention of Japanese intelligence actions against of military infrastructure objects in the USSR Far East in the upper 1930s.